

Велизарий желает, чтобы государи общались с народом и имели бы верных соратников из его среды: «Снисхождение государя есть притяжение истины. Невольники его от него ее скрывают; но простолюдин, хлебопашец, старой, грубой и простосердечной воин, конечно от него не скроют. Ему слышан будет глас народной: наставник государей, полной судия достоинства и добродетели; а сей последую, всегда доброе избрание бывает». ⁶¹ В том же духе высказывается и Прямовзор: «Ты познаешь верных своих подданных, которые в дали от тебя, не тебя любят, но любят отечество; которые готовы всегда на твое поражение, если оно отмстит порабощение человека. Но не возмутят они гражданского покоя безвременно, и без пользы. Их призови себе в друзья» (I, 252—253). Мармонтель понимает, что в самодержавном государстве вероятность появления таких людей невелика: «Когда хотят, чтоб были великие души < . . > должно знатно обходиться с ними < . . > Ах! есть ли бы оно производило двух или трех великих людей в каждом веке, общество бы не жаловалось». ⁶² Радищев, говоря о государевом «друге искреннем», еще более категоричен: «Угости его вещаю, почти его, да возвратившись возможен он паче и паче глаголати нельстиво. Нотаковыя твердые сердца бывают редки; едва один в целом столетии явится на светском ристалище» (I, 253—254).

Подобно Прямовзору Велизарий посрамляет императора, и тот вопит в умилении: «О добродетель!.. коль велика власть твоя! Бедный слепец из глубины несчастий своих впечатлевает царям почтение к нему! < . . > Великий боже! Есть ли бы вся вселенная увидела мое посрамление!». ⁶³ Ревет «яростью гнева» и прозревший радищевский царь и при этом кличет некоего старца, о котором ни до, ни после этого в «Путешествии» не говорится ни слова: «Прииди вещал я старцу, коего созерцал в крае обширных моих области, кроющагося под заросшею мхом хижиною, прииди облегчить мое бремя; прииди и возврати покой томящемуся сердцу и встревоженному уму» (I, 257). Это «вещание» — намек на литературный источник, указание на то, какого именно царя имеет в виду автор-сатирик: того самого, что некогда призвал Велизария на Русь, т. е. Екатерину II. У Мармонтеля: «Так прииди, рек к нему (старцу, — Д. III.) император < . . > прииди, помоги мне, очиститися от сего моего беззакония; прииди и представь оное пред глазами неверного мне моего двора, в претрашном и всескверном образе, каково оно в самой вещи есть; пускай твое присутствие приводит всякому на мысль мое посрамление». ⁶⁴ Сцена появления Велизария при дворе Юстиниана дает образный аналог «Сну» в «Спасской Полести»: «Бледность, стыд и ужас на-

⁶¹ Там же, с. 175—176.

⁶² Там же, с. 75.

⁶³ Там же, с. 278.

⁶⁴ Там же, с. 279—280.